

Бонцевич Н. Н.

"РУССКИЙ ВОПРОС" В АМЕРИКАНСКОЙ ПЕРИОДИКЕ НАЧАЛА "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/7.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 18-20. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Примечательно, что само понятие «уровень самоорганизации» достаточно абстрактно. Мы применяем его для того, чтобы отделить друг от друга качественно различающиеся однородные объекты. И каждый высший уровень может быть признан видовым, а каждый низший, соответственно, родовым. Иначе говоря, уровень самоорганизации представляет собой ее вид в рамках рассматриваемого рода. К примеру, племя бушменов и работники промышленного предприятия биологически мало чем отличаются друг от друга. Однако эффективность социальной организации применительно к тем и другим различается очень существенно, поэтому мы вынуждены вводить специальное понятие для обозначения существующих различий, а именно «уровень (само) организации».

Уровень (само) организации – это показатель качественной эффективности организации однородных структур, функционирующих в сопоставимых внешних условиях [Калужский 2000: 143].

С точки зрения А.А. Давыдова теоретические, эмпирические и практические аргументы, что понятие «общество» следует определять и эмпирически изучать точки зрения общей теории систем. Общая теория систем является наддисциплинарной научной теорией, созданной для теоретического и эмпирического изучения всех логически мыслимых систем (физических, биологических, психологических, социальных, технических, абстрактных и т.д.), вследствие чего она обладает значительно большими теоретическими и эмпирическими возможностями по сравнению с социальной философией и отдельными социологическими теориями. Общая теория систем является теоретической основой Systems Science (науки о системах) – дисциплины, созданной во второй половине XX века, основанной на системных методологических принципах, широким использованием эмпирических данных конкретных научных дисциплин, математике и компьютерном моделировании, ориентированной на практические приложения в сфере управления [Давыдов 2004: 13].

Список литературы

Давыдов А. А. К вопросу об определении понятия «Общество» [Текст] / А.А. Давыдов // Социс. 2004. - № 2.

Калужский М. Л. «Системность» - новая трактовка понятия [Текст] / М.Л. Калужский // Социально-гуманитарные знания. – 2000. - № 4.

Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона. - М., 1989.

Юдин Б. Г. Система социальная // Философский энциклопедический словарь. - М., 1989.

«РУССКИЙ ВОПРОС» В АМЕРИКАНСКОЙ ПЕРИОДИКЕ НАЧАЛА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Бонцевич Н. Н.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

«Русская тема», или «русский вопрос», как формулировали проблему восприятия российской советской цивилизации в американском обществе сами американские СМИ, занимала одно из ведущих мест в послевоенной периодической печати [Saturday Evening Post 1947: 19]. Существовало два подхода в формировании американской прессой отношения к советской России и русскому народу. Первый состоял в репрезентации русского народа жертвой собственного тоталитарного правительства, что в свете доктрины Трумэна налагало на американцев определенные обязательства. Ведь еще со времен президентства Вудро Вильсона американское общество постепенно привыкало к мысли о благородном мессианстве своей страны, на которую Провидение возложило бремя забот по освобождению угнетенных народов и обеспечению их процветания посредством приобщения к идеалам американской демократии и американским моральным нормам. Второй подход отражал взгляды наиболее консервативных слоев американского общества, бизнес элиты и политического истеблишмента, и состоял в настойчивом внедрении мысли о том, что российская советская цивилизация враждебна Западу по своей сути, по системе ценностей. Ее распространению нужно препятствовать, а культурные и иные контакты с русскими ограничивать, поскольку они могут таить опасности для американской нации.

Сразу после завершения II мировой войны в американской прессе развернулась острая дискуссия о России, в которой активное участие приняли бывшие советские военачальники, работники советских посольств и торговых представительств за рубежом, а ныне американские граждане; солдаты Красной Армии, бежавшие из советских зон оккупации в Европе; русские жены американцев. Подробности повседневной жизни за «железным занавесом» глазами бывших советских граждан соседствовали на страницах популярной периодики с наблюдениями американских дипломатов, работников посольств, журналистов, работавших в Советском Союзе в разное время, научно обоснованными выводами американских ученых.

Интересно отметить, что очень немногие из американцев русского происхождения отважились в рамках форума, развернувшегося в американских СМИ после войны, на защиту своего народа, как это сделал бывший бригадный генерал Красной Армии Александр Бармин. В интервью Сэтардей Ивнинг Пост, опубликованном в сентябрьском номере за 1948 г., гражданин Америки Бармин выражает свое несогласие с позицией ведущих американских периодических изданий, настойчиво внедряющих в общественное сознание народа представления о русских как о варварском азиатском народе, относящемся с презрением к демократии, жестоко и надменно уничтожающем человеческое достоинство и политические свободы на территории госу-

дарств, попавших под политический контроль СССР. Бывший советский военачальник уверен, что весь негатив, которым американская пресса удостоила русский народ, следует адресовать исключительно коммунистической олигархии, которая поработила двухсотмиллионную нацию и создала полицейское государство, для того чтобы держать ее в подчинении. Бармину кажутся откровенно необоснованными не раз раздававшиеся в американской прессе обвинения русских в привычке жить под властью деспотов и нелюбви к демократии. Он напоминает американцам о том, что российская история содержит предостаточно примеров отчаянной борьбы различных слоев русского народа за либерализацию политического режима, вершиной которых стала революция 1905 г. и создание парламента. Хотя, сам же признает, что период демократии между февральской революцией 1917 г. и большевистским переворотом в октябре того же года был сравнительно коротким. Весьма убедительным доказательством недовольства русских сталинским режимом, по мнению автора статьи, являются лагеря для политических заключенных, в которых отбывают срок 14 тысяч человек. Бывший советский военачальник выражает обеспокоенность тем фактом, что западные СМИ отказываются проводить границу между правящим в СССР тоталитарным режимом и русским народом, обескровленным в жестокой войне, обманутым и терроризируемым собственным правительством, не имеющем представления о благах западного образа жизни и преимуществах политической демократии. Вполне естественно, что информационный вакуум о жизни на западе в СССР заполняется лживыми утверждениями советской пропаганды о преимуществах социалистической государственности. В этом и надо искать причину так непонятного западному менталитету смирения и покорности русских людей перед властью, завершает свое интервью Сэтардей Ивнинг Пост бывший советский генерал [Saturday Evening Post 1948: 88-89].

Анализ содержания статей по «русской теме» на страницах шести самых популярных в послевоенной Америке периодических изданий, расходившихся миллионными тиражами, Сэтардей Ивнинг Пост, Лайф, Тайм, Ридерз Дайджест, Колльерс и Нью Йорк Таймс Мэгэзин, показал, что интерес издателей с основ политического и экономического устройства советского общества и государства и идеологии КП Советского Союза переключился на изучение национального характера и ментальности русского народа. Появилось стремление понять, что лежит в основе взаимоотношений власти и общества в СССР: искренние убеждения или невежество, уважение или страх, магия новых социальных идеалов или следование традиции. На этот счет единого мнения в американской печати нет. Принятые стереотипные оценки в данном вопросе соседствуют с серьезными исследованиями русского менталитета.

Одно из таких исследований было опубликовано на страницах сентябрьского номера Нью Йорк Таймс Мэгэзин за 1948 г. Его автор профессор международник из Йельского университета Фредерик Баргхорн, в прошлом пресс атташе американского посольства в Москве, своими выводами о русском национальном характере и особенностях русского менталитета, поставил, пожалуй, точку в споре, который либеральная американская пресса вела с 1942 г.: стоит ли доверять русским, и каковы перспективы сближения двух народов.

Выводы Баргхорна убедительно продемонстрировали американской читающей публике абсолютную духовную и моральную несовместимость двух народов, причина которой, по мнению ученого, лежит вовсе не в политических или идеологических разногласиях, а глубоко в подсознании народа, где хранится память о многовековом историческом пути, им пройденным.

Профессор Баргхорн в своем исследовании сформулировал три знаковые черты русского национального характера, которые, по его глубокому убеждению, делают цивилизационную пропасть между двумя народами, русским и американским, непреодолимой. Генетический фатализм, как обозначил Баргхорн первый отличительный признак русского характера, является причиной покорности и непротivления русского народа власти полицейского государства. Таковыми русских сделала искренняя вера в непреодолимость судьбы, рока и бессмысленность попыток переменить жизненные обстоятельства. Именно поэтому и политическую власть советский народ воспринимают как нечто данное, как природный феномен, явление, которое нельзя изменить, как нельзя переделать лето в зиму. Между государством и индивидом в сознании русских существуют огромная пропасть, по причине которой они абсолютно уверены в том, что критиковать власть или каким либо образом влиять на нее, является делом и бесполезным и неразумным [The New York Times Magazine 1948: 11].

Фатализм опасен, предупреждает Баргхорн, так как является благоприятной почвой для насаждения любой, даже самой разрушительной идеологии. К сожалению, с русским народом, это уже произошло. Американский профессор заверяет свой народ в том, что, скорее всего, эксперимент с экспортом западных культурных ценностей в российское общество окажется напрасным по причине того, что покорность и смирение русского народа перед властью, самоотстранение от участия в жизни государства пустили глубокие корни в коллективном подсознательном русской нации [The New York Times Magazine 1948: 11].

Полной противоположностью американскому индивидуализму, а значит и основам американской цивилизации, по мнению американского ученого, является такая неотъемлемая черта русского национального характера как коллективизм. Стадное начало несовместимо с желанием выделяться, предлагать новые свежие идеи, убивает в человеке личность, уверен автор статьи [The New York Times Magazine 1948: 12].

Но самой негативной чертой русских является, по мнению Баргхорна, ментальный экстремизм, который он определяет, как склонность абсолютизировать взгляды, философские доктрины. Русские, будучи людьми любознательными и крайне восприимчивыми, отмечает ученый, понравившиеся идеи и концепции, пусть даже заимствованные с Запада, с легкостью превращают в культ, объект почитания и преклонения. Так было с нигилизмом, марксизмом, сталинизмом. Обретя идейный культ, русский человек фанатично его почитает и

готов защищать, жертвуя собой. Не случайно о чудесах русского патриотизма известно далеко за пределами СССР. Однако, столь убедительная преданность бездушным идеалам, наряду с героическими проявлениями имеет и обратную сторону, а именно примитивизм и односторонность мышления, способную переродиться в нетерпимость и фанатизм. Излишняя эмоциональность и восприимчивость сделала русский народ прекрасной мишенью для всякого рода авантюристов во власти, без труда манипулировавших коллективным сознанием народа, резюмирует Баргхорн [The New York Times Magazine 1948: 11].

Исследование Йельским профессором русского национального характера совершенно определенно подвело американского читателя к выводу о том, что американцы и русские, слишком разные для того, чтобы вступить в диалог. Американцы толерантны и ценят свободу слова, русские экспрессивны, чрезмерно эмоциональны, что зачастую порождает нетерпимость, и не признают идейной конкуренции. Они склонны к созданию культов, в основе которых лежит конкретная идеология. Американцы - оптимисты, русские - фаталисты. Американцы - индивидуалисты, в русском менталитете прочно укоренился коллективизм. Американцы законопослушны, русские не признают нравственной силы закона, его верховенства в жизни общества и государства.

Важно подчеркнуть, что недружественные по отношению к России статьи стали заполнять первые полосы американских газет и журналов как раз тогда, когда это особенно важно и нужно было администрации Трумэна. Когда соперничество двух основных стратегий в госдепартаменте - постепенного и бдительного сдерживания Советов путем экономического и военного давления, с одной стороны, и жесткого противостояния СССР, с другой, – завершилось победой последнего, т.е. победой сторонников силовой дипломатии. Американская администрация мечтала об общенациональном консенсусе по поводу внешней политики. И приложила усилия к тому, чтобы корпоративная бизнес элита, контролировавшая ведущие периодические издания в стране развеяла миф о возможности сближения двух народов, созданный американской же прессой в годы войны.

Таким образом, «русский вопрос» после непродолжительного его обсуждения в рамках форума мнений, продолжавшегося с начала II мировой войны до 1948 г., уступил место одномерному освещению темы с позиции формирования враждебного американскому общественному сознанию образа Советской России и обоснования абсолютной несовместимости двух культур, ментальностей, цивилизаций.

Список литературы

- Barghoorn F.** What Makes the Russians Think That Way // The New York Times Magazine. 1948. - September 19.
Barmine A. In Defense of the Russian People // Saturday Evening Post. 1948. - September 4.
Snow E. Why We Don't Understand Russia // Saturday Evening Post. 1947. - February 15.
To Understand the Russians // Reader's Digest. 1946. - May.

МОНАСТЫРИ СЕВЕРО–ВОСТОЧНОЙ РОССИИ В БОРЬБЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ «КАПИТОНОВЩИНЫ» В 50 – 60 гг. XVII ВЕКА

Бородкин А. В.

Российский государственный гуманитарный университет (филиал) в г. Ярославль

«Капитоновщина» – еретическое течение, зародившееся в недрах Русской православной церкви в начале двадцатых годов XVII века. Основателем учения являлся инок Капитон игумен Троицкого монастыря в селе Даниловское Ярославского уезда. Происхождение Капитона, как и его мирское имя, исследователям не известны. Все сведения о данном периоде жизни Капитона содержатся в двух источниках. Эти источники носят ретроспективный характер и поверхностны по составу. Автор патриаршей церкви Игнатий митрополит Сибирский и Тобольский (И. С. Римский-Корсаков) компилирует материал из фондов Патриаршего приказа и отчетов приходского духовенства Кинешемского и Костромского уездов. В 1687г. по повелению Патриарха Иоакима он занимается миссионерскими поездками по уездам Верхнего Поволжья [Игнатий 1855: 23]. Вторым источником – «Житие инока Корнилия (Конон из Тотьмы) в большей мере ориентировано на изложение событий истории Выговской старообрядческой пустыни, основателем которой он являлся.

Первые сведения о Капитоне относятся к так называемому недатированному (раннему) периоду. «Сей убо чернец постригся негде близ дома своего ... отшед вдале от села Даниловского, в место нарицаемое Колесниково, и тамо начал жити по образцу пустынножителей» [Максимов 1861: 9]. По природным приметам Капитон предсказал скорый приход Антихриста и выступил с программой спасения от грядущей катастрофы. По его мнению, спастись должен был тот, кто отвергнет посредников между собой и Богом. Для этого необходимо было отказаться от церкви, профессионального священства и всех церковных таинств. Мятежный Даниловский игумен был прекрасным оратором и сумел привлечь на свою сторону большую часть монашествующих и мирян Верхнего Поволжья. Новое учение быстро распространялось по уездам Северо – Восточной России.

Православного царя «капитоны» называли пособником антихриста, а Вселенского патриарха – «предтечей Армагеддона» [Максимов 1861: 11]. Поэтому, учение «капитонов» представляло непосредственную